

Индивидуум

Г.Ю. Ясько

(Получена 18 октября 2006; опубликована 15 января 2007)

Попытка ответить на вопрос: что такое человеческое «я», что такое «индивидуум», согласно учению великого русского мыслителя и подвижника духа П.А. Флоренского (22.01.1882 - 8.12.1937) о символе, согласно «флоренской» интерпретации платонизма, учения сформировавшего европейскую манеру мыслить. Для чего в центр внимания поставлена «монада», понимаемая как, можно сказать, «квант» Реальности. К 125 - летию П.А. Флоренского.

Всё, что я пытаюсь познать в себе, оказывается призрачным, до себя я не докапываюсь - «я знаю, что ничего не знаю», хотя можно обнять весь круг знаний. Всё оно призрачно - пока не дана его онтологическая основа. Что это такое? Надпись фронтона того же храма: EI - «Ты еси».

П.А. Флоренский.

1.

Поговорим о некоторых словах. Слово «вещь» произошло от слова «весть». Вещи, - это материализовавшиеся вести иных миров. Все, что ниже людей: из разряда животных, растений, камней – это «вещи». Все, что выше людей: из разряда Богов, нам неизвестно.

Вещи – в себе.

Вещий Платон называл их «идеями».

Вещий Лейбниц называл их «монадами».

Вещий Флоренский называл их «разумными сущностями».

Вещий Филонов нам показал, что пространство состоит из кристаллов энергий.

Кто произнес: «Покой?» «Покоя» нет, есть «покой». «В пространстве Отца Моего много покоев». Каждый кристаллик энергии – это то, чем идея или вещь организует пространства покоев, данных ей в ощущениях. Вещи пребывают в вечном покое, в себе, пульсируя энергиями, накапливаемыми при вращении колес бытия. Каждая вещь – колесо, кольцо превращения энергии, повышении её напряжения. Каждый выброс энергий кристаллизует пространства переходящих покоев в то, что мы принимаем за самое – вещь. Это тело идеи, «воплощение» вещи. В нем она трансмутирует или возносит, преобразует энергии, по сути своей, оставаясь неизменной, простой. Вещи, или монады (идеи) между собою различны и представляют «сначала» убывающую, «потом» возрастающую градацию представления Того, Что Есть. У каждой вещи свой порядковый номер. Космос – это порядок вещей.

Есть только Я (1) и Пространство. И напряженная сила меж этими полюсами: дело, энергия, Эрос. Вещь, это то, что человек знает как «я»(12). Больше он ничего не знает, но больше ничего и нет, (может и «есть», но «не бывает»). Пространство «забито» кристаллами энергий бесчисленных атомов «я», которые суть преломленья единого атома «Я». Это Я «колесуется», преломляется в мелькании спиц вращающихся колес бытия. Колесо бытия одно. То колесо есть любовь, сегодня и здесь собирающая мир воедино.

К единству человек приходит через культуру. Другого пути нет. Задача человека – воплощение в жизни идеалов, "идей" Платона, что и преобразует жизнь в культуру. Мандельштам однажды описал: как у него «сорвалась», не воплотилась идея (ласточка), вернулась в абстрактное, несказуемое, в платоновский "мир идей":

«Я слово позабыл, что я хотел сказать. Слепая ласточка в чертог теней вернется на крыльях срезанных, с прозрачными играть. В беспамятстве ночная песнь поется. (...) Но я забыл, что я хочу сказать, и мысль бесплотная в чертог теней вернется».

«Монада есть одушевлённый Атом. Лейбниц учил, что «мир состоит из бестелесных, непротяженных, простых, представляющих и обнаруживающих стремление Монад. Монады вечны, они не могут прекратить существования, ибо просты. Они неспособны к изменению и взаимодействию. Им свойственно лишь чисто внутреннее развитие. Различие Монад состоит из различной степени представления. Все Монады между собою различны, и они представляют возрастающую градацию от низшей до высшей, что есть Бог...»

Платон Монады называл Идеями.

Монада была первоначально арифметическим понятием. «Число состоит из монад». (Евклид). Монада потом получила метафизическое понятие. Силезий и Бруно Бога называли «Монадой монад». (6).

Филонов нам показал, что пространство состоит из кристаллов энергий. Каждый кристаллик – это то, чем Монада организует пространство. Флоренский учил, что Монады – живые. В основании духа каждого из нас – Монада. Отсюда – значение творчества, как стремления к воплощению идей (Монад). Флоренский писал: «Воплощение есть основная заповедь жизни, - Воплощение, т.е. осуществление своих возможностей в мире, принятие мира в себя и оформление собою материи». (7). То есть человек от «художества»: воплощения идей Платона - других Монад, должен перейти к «художеству художеств» - воплощению «своей» Монады, Боговоплощению.

Тяга к целостности, к единому огню духа, от которого искра нашего духа отлетела – стихийна, природна. «Как Огонь, хоть сам по себе един, становится разным, смотря по тому, что сжигает, так «Я» внутри всех вещей становится различным, смотря во что оно входит. (Упанишад)». (8) Поэтому душа каждого из нас стремится к вселенскому «Я», Мировой Душе, Софии, преломлением кого в преходящем она и является. Налицо феномен природной религиозности, которая отличается от религиозности казенной так же, как культура отличается от физкультуры. Физкультура это рукомашество и дрыгоножество, а культура – это реализация принципа бытия: Единое во всех, и все в Одном.

Таково, вкратце представление о порядке вещей, свойственное реалистам, мыслителям, пролагающим основное русло течения человеческой мысли, ведущее человека «обратно» к истинной реальности, от которой «исходит» его дух. Это линия Платона - Флоренского. Этой линии в человечестве противостоит череда химер, разлагающих сознание человека иллюзией оторванности его от мирового разума, от единого сознания Макрокосма. Возвратить человека к самому себе, к Пути, Истине и Жизни, вот какую задачу ставят перед собой все мыслители реалисты. В т.ч. и Флоренский.

Сегодня имя Флоренского, его книги входят в научный обиход, что очень ярко выявляет извращенность нашего сознания. Типичный пример: опубликованная в № 4 за 2005 год журнала «Человек» статья заведующей кафедрой религиоведения Елецкого

государственного университета О.И. Тарасовой «Беседа о П.Флоренского и М. Маклюэна об иллюзионизме сознания». Основная часть статьи - это коллаж цитат, выбранных из «Обратной перспективы» П. Флоренского и «Галактики Гуттенберга» М. Маклюэна. Это сопоставление нужно О.И. Тарасовой для обоснования такого положения : «Иллюзионизм - это мировоззрение, которое ограничено визуальными, письменными представлениями... Иллюзионизм - это визуальное небытие... Речь о том, что оптические иллюзии постепенно превращаются в иллюзии мышления, обманчивые представления - в научные и цивилизационные заблуждения, ошибки глаза - в ошибки мысли. Обман зрения, видимость, кажимость правдоподобие, основанное на обмане, и отключение всех чувств приводят к иллюзорному и линейному пониманию мира».

Однако этот вывод прямо противоположен тому, о чём пишет в данной статье сам Флоренский. По его мнению, наоборот, иллюзионистическое миропонимание **приводит** к постановке в искусстве на место реальности «подобий и призраков». В частности, когда было утрачено сакральное отношение к живописи, это привело к замене естественного для человеческого восприятия подхода к реальности путём «обратной перспективы» попытками создать на плоскости иллюзии перспективы трёхмерного пространства. Он пишет: «Перспективная картина мира не есть факт восприятия, а - лишь требование, во имя каких-то, может быть, и очень сильных, но решительно отвлечённых соображений». (1.76). И ещё: «Человек XIX века делает себя абсолютным мериллом истины и красоты. Он заставляет всё мироздание вращаться вокруг себя. Перспектива есть живописное выражение кантианского понимания». (2). «Перспектива потому чужда человеку, что она есть заговор против естественного восприятия: требуется видеть не то, что есть, а то, что желательно видеть». (2. 485) Т.е. «разруха» - отвлечение, отчуждения человека от истинной реальности таки «начинается в головах».

Для того, чтобы правильно понять статью «Обратная перспектива», достаточно её прочесть. Если понимание не пришло, её нужно перечитать, но не в составе сборника, на который ссылается О.И. Тарасова, а в составе книги «У водоразделов мысли», в которую она была включена Флоренским. «Мудрено объяснить в двух словах то, чему, чтобы раскрыться потребовались, по крайнему убеждению писавшего, сотни страниц», но мы попытаемся. Не в двух, а в четырнадцати словах, по-моему, целью этой книги было показать - мироздание есть символ, и всё, что ни есть в мире - это символы истиной реальности.

Подборку цитат из Флоренского для подтверждения своего взгляда на происхождение бездуховного иллюзионизма О. Тарасова открывает отрывком, в котором Флоренский говорит о противоположности зрения и слуха. «То, что даётся зрением, объективно по преимуществу. С наибольшей самодавляемой четкостью стоят пред духом образы *зримые*... Напротив, воспринимаемое слухом - по преимуществу *субъективно*. (...) Понятно, что объективность зрительных впечатлений и субъективность слуховых соответственно учитывается религиозными складами и настроениями души». (1. 41-43). Отсюда один шаг к тому, чтобы признать зрение теми вратами, через которые «визуальное небытие» врывается в человеческую душу, подавляя в ней субъективное, человеческое, в своей естественности и глубине - интимно-духовное. О. Тарасова этот шаг делает. Как будто не знает, что антиномичность - неразрывное единство логически несводимых противоположностей является по Флоренскому главной особенностью всех и всяких явлений бытия. Эти противоположности, тем не менее, во всяком явлении сведены в неразрывную целостность не логикой, а фактом бытия, а правда этих фактов

принимается не рассуждением, а сверх-логичным умозрением. Интуитивным, синтетическим или духовным восприятием.

Можно сказать, что противоположность четвёртого и пятого чувств - слуха и зрения для самого Флоренского снималась тем, что у него, как и у других пионеров человеческой эволюции, (например у Платона), было вполне развито то синтетическое «шестое чувство», которое у среднего европейца сегодня прозябает в зачаточном состоянии, и которое даёт ясновидцу возможность ощущать истинную реальность, с «самодавляемой четкостью» созерцать ноуменальную сущность мироздания. С формальной точки зрения можно так же сказать, что противоположность зрения и слуха снимается тем, что этими своими чувствами человек общается не с самими «вещами», а с их «символами». Снятию непримиримой противоположности зрения и слуха этим вторым, «формальным» способом и посвящена первая часть книги «У водоразделов мысли», которая так и называется «Образ и Слово». Дескать, видимый образ и слышимое слово - суть одно и то же, - символ истиной реальности.

По словам Флоренского, не только при написании этой книги, но и вообще, «всю свою жизнь я думал, в сущности, об одном: об отношении явления к ноумену, об обнаружении ноумена в феноменах, о его выявлении, о его воплощении. Это вопрос о символе. И всю свою жизнь я думал только об одной проблеме, о проблеме символа». (3)

Флоренский определяет: «Под символом можно разуместь всякую реальность, которая несёт в своей энергии энергию другой, высшей по ценности, по иерархии реальности; тем самым эта первая является носителем, окном в высшую реальность, и с раздроблением низшей меркнет свет и высшей, не сам по себе, а поскольку закрывается окно. Это не значит, что сама высшая реальность перестала существовать, а то - что окно закрылось». (2. 478) Речь идёт об окне в миры иные, горние, в платоновский мир идей, в котором пребывают первообразы всего сущего, всего, что представлено в земном, дольном мире как раз символами этих «вещей». Флоренский пишет: «Западное искусство оплотнило символ, стало религиозно-эстетическим, и эта кора перестала быть знаменем превышней сущности и укреплением религиозной стороны. Особенно живопись эпохи Возрождения. В дальнейшем кора стала рассматриваться как сама по себе истинная и прекрасная. Второе искажение символа - рационалистическое, когда пытаются совсем устранить чувственную оболочку, выскоблить символ так, чтобы не было даже бумаги, на которой написаны слова, и оставить один только чистый смысл, формы выражения которого все истончаются и в конце концов приходят к агностицизму невыразимости, так как хотят выразить адекватно, дать высшее, а не указать лишь на него. Это - схоластика». ((2.479)

Так что не визуальность живописи, по Флоренскому явилась причиной победы позитивизма, или иллюзионизма. Живопись, в частности, иконопись, есть наиважнейший орган познания истиной реальности, а не средство её отображения, фиксации. Если говорить об иконе: «... икона есть образ, напоминающий Первообраз, возводящий нас к Первообразу... Здесь платоновская терминология. Первообраз не есть мысль, «идея» мыслимая отвлечением представления, а духовная реальность, та духовная сущность, которая делает святого им самим, та сила, которая формирует его духовную личность и организм, светится в его лице, которую мы видим сквозь покровы его тела. Образ есть, во-первых, энергия тела святого, во-вторых, то, что понимает художник под сущностью святого. При взирании на образ, ум, - в смысле святоотеческом, средоточие духовного существа, - возводится от образа к Первообразу посредством напоминания...

Слово... (напоминание - Г.Я.) есть термин мистерии и Платона. Он означает наше духовно-мистическое состояние, которое возникает от прикосновения к платоновским идеям, мистическое припоминание, которое возгорается при прикосновении к образу... Икона являет Первообраз: мы прикасаемся к дереву, холсту, лаку, а упираемся в некоторую духовную реальность. Икона - окно в другой мир... В ней мы видим не доску и краски, а сквозь них. Мы смотрим на икону, но имеем духовное видение». (2.480) Так что задача живописи, обращающейся к зрению высока и духовна, если хотите, священна. Так же высоко и духовно и священно чувство зренья человека. И не оно виновато в том, что ум человеческий огрубел, затемнился, оплотнился, символика живописи постепенно перестала быть прозрачной для ума, для «умозрения» (слово-то какое «умозрение» - зрение умом), стала сама по себе ценной оболочкой. Что открыло путь к подмене в мире современной науки термина «символ» термином «знак», о чём надеемся сказать ниже.

Ну а на этом месте обязательно нужно сделать одно уточнение. Говоря об «энергии тела святого», о его духовной личности и организме, Флоренский говорит о т.н. «душе» и других **телах** человека, «так как человек имеет несколько других тел, помимо тела в собственном смысле слова, - физического: эфирное, астральное, ментальное...» (2.487) Эти тела пребывают на соответствующих уровнях миров иных. Художник, создавая икону, образ святого, в меру своего вдохновения возносится сознанием в соответствующий мир, принимает вдохновения, т.е. образы и энергии этого ментального или мысленного тела святого; эти энергии, срастворяясь с энергиями художника и создают символ, двуединую сущность, амфибию, принадлежащую двум мирам, нашему миру через энергии художника и миру истиной реальности, через энергии духовного организма святого, там, в том мире пребывающего. И вот это же место данной статьи лучше всего подходит для того, чтобы решительно подчеркнуть ту великую мысль Флоренского, которая явилась тем «недостающим звеном» между «идеей» Платона и персоной человека: «Язычество есть частью память об Истине уже открытой, частью гребни передовых волн Истины, грядущей в мир... И, следовательно, если бы в Церкви Христовой момент язычества просто отсутствовал, то это-то и доказывало бы неполноту, несовершенство и, значит, неистинность Церкви. Моралистическое усечение из Церкви всего «языческого» не только есть дело сектантов, но и по следствиям своим неминуемо имело бы обращение Церкви в секту, если бы удалось. Но по вере нашей, вся жизнь, не только человеческая, но и всей твари, управляется идеями мира горнего, *воплощенными особенно чётко в ликах святых* (курсив мой - Г.Я.), и потому было бы непостижимо отсутствие вышеуказанных параллелизмов, космическая иссушенность святого. Житие без этой полноты сопровождающих его голосов природной жизни явно не было бы житием, и тогда или мы должны были бы заподозрить святость изображаемого подвижника, или же утверждать, что составитель его жития не сумел проникнуть в духовный облик святого и услышать в музыке его души голоса откликающейся ему твари». (9)

Те, кого Флоренский в данном отрывке назвал «святыми», те кого в своём учении о богочеловечестве Вл. Соловьёв называл «теургами» - это лучшие цветы человечества, образцы для подражания, следуя которым мы все, обыкновенные люди, можем и должны выполнить своё природное предназначение: вернуться к истинной реальности, к духу, к единому пламени, от которого «отлетели» искры, воодушевляющие нас. Мы должны стать сначала интеллигентными, потом культурными, потом одухотворёнными людьми, чтобы перед нами открылся путь к тому, чтобы стать, наконец, **самими собою**, богочеловеческий путь возвращения блудного сына в отчий дом, в пространство истины и жизни вечной, в котором изначально пребывают наши Монады - атомы «Тела Христова».

Задачи культуры, в т.ч. искусства, в т.ч. и живописи высоки и священны. Культура, в т.ч. искусство, в т.ч. и живопись создаёт нам окна в высшие миры. Но не для того, чтобы мы удовлетворяли своё любопытство, праздный, значит нездоровый интерес к потаённому, «окультурному», сокрытому до поры до времени от человека **бессознательного** - безответственного, безотчётно мыслящего. «Обличение вещей невидимых» светом культуры делает человека **сознательным** работником, не рабом или подёнщиком на бескрайнем поле жизни, а совладельцем этого поля. Что же это за работа? «Реальность даётся лишь жизни, жизненному отношению к бытию; а жизнь есть непрестанное ниспровержение отвлеченного себе-тождества, непрестанное умирание единства, чтобы прозябнуть в соборности. Живя, мы соборуемся с самими собой - и в пространстве и во времени, как целостный организм, собираемся воедино из отдельных взаимоисключающих - по закону тождества - элементов, частиц, клеток, душевных состояний и пр. и пр. Подобно мы собираемся в семью, в род, в народ, и т.д., соборуясь до человечества и включая в единство человечности весь мир». (1.366) Человек, поставивший себя в положение исключительности и единственности, отрывается от мира, утрачивает ощущение мировой реальности, тогда распадается единство вселенского сознания, а затем и единство самосознающей личности. Человеку не с чем становится отождествлять себя. Он не может свести все аффекты своего сознания к нуждам и проявлениями своего физического тела, хоть современная наука и очень старается его к этому принудить. Реальность иных, высших миров постоянно вторгается в поле его сознания, смущая и обескураживая его. Отсюда такие странные и чудовищные химеры и теории, которыми терзается его ум. Отпав от целого, ради утверждения автономного «я», своей личности, современный человек, утратил не только свою целостность, но и индивидуальность.

2.

Слово «индивидуум» с латыни на русский переводится как «неделимый», это калька с греческого «атом». Это слово отсылает нас к ряду представлений, об «атомах», или платоновской «идеях», или «универсалиях» средневековых монахов, или «монадах» Лейбница. Это четыре названия для одной и той же вещи, взятой с разной степенью трансцендентности. (Или «трансцендентальности»? Ну если сам Кант путал эти два понятия, то можно и мне). «Индивидуум» - пятое название для неё же.

Является фактом - восприятие человеком действительности мозаично. Фрагменты этой мозаики сливаются в поток восприятия, (так же как кадры киноленты сливаются в кажущийся сплошным поток кинофильма), тем не менее, оставаясь неделимыми единицами восприятия. Атомами восприятия.

В XX веке сложилось две главные теории об этих атомах восприятия.

По одной теории - это Символы, по другой - Знаки. (10)

Лучше всего теория символов разработана П.А. Флоренским - величайшим интерпретатором Платона. По П.А.Ф. символы - это двуединые сущности, в которых срастворены энергии двух миров: нашего и платоновского мира идей. Это амфибии, живущие и тут и там, устанавливающие нити между миром внешним и миром внутренним, что даёт возможность выявляться в нашем мире кирпичикам мироздания - платоновским «идеям», они же «атомы» Демокрита, они же «монады» Лейбница. Символы никем не измышляются, они даны нам природою изначально как энергетические одеяния атомов, в которых те являются нам в нашем мире.

Атомы же - это отражения Единого - Атома атомов, Монады монад, Идеи идей, Бога.

Этот Атом и есть та точка, из которой всё и «возникает» с Большими Взрывами, и в которую всё возвращается с Большими Растворениями, в серии неисчислимых существований, или перевоплощений Макрокосма? (Стивен Хокинг. «Краткая история времени от Большого Взрыва до черных дыр».)

Этот Атом, или Единый Плотина - таится в Непроявленном, все атомы вселенной - или Его Сыновья, это Его отражения в зеркале проявленного, или Матери-Природы, они неисчислимы.

А что такое Знак? Данной противоположности Символа мы обязаны семиотике, которая в своём творчестве опирается на постулаты З. Фрейда, антипода П.А. Флоренского. Антипода «Платона, Плотина и Прокла».

Интерпретацию понятия Знака даю по книге А.К. Якимовича. «XX век. Искусство. Культура. Картина мира». «Искусство» М., 2003.

«Знак не связан с означаемым никаким сущностным образом, разве чисто условно.

В таком случае порядок и гармония - это всегда фикция и конвенция.

Истина и смысл, как и вера в Бога, будучи системой знаков, вовсе не являются абсолютами мыслящего человека. Это не то, во что нельзя не верить, а просто комфортабельные знаки людских знаковых систем. Людям с ними покойнее жить. На самом деле первичны, скорее, как раз хаос, бред, инстинкт разрушения и суицида, демоническая и монструозная стихия, а если говорить менее романтически - голос тела и желания (но не рацио и морали). Стр. 45.

Привлекательность рацио и морали в том, что эти знаковые системы помогают упорядочивать процессы в обществе и культуре. Признавая же примат тотальной свободы от норм и сверхценностей, мы рискуем рухнуть в неуправляемый поток безумия. Там и есть, собственно говоря, наше законное место. Вопрос только в том, какая форма психоза делает нас свободными и счастливыми: напряженная, истерическая бескомпромиссная параноидальность, либо раскованная, вольная шизофреничность. Жак Дерриза и Жиль Делез особенно отличились в философских рассуждениях на эти темы. Стр. 45.

Методы изучения ... парадокса о человеческой нечеловечности или нечеловеческой человечности приобрели в XX столетии довольно специфический облик. Стр. 52.

ИНОЕ - это, так сказать, - часть НАШЕЙ реальности и НАШЕЙ культуры. Это не то, от чего можно было бы абстрагироваться. Это не то, от чего можно увильнуть с помощью обезболивания или гуманистического пафоса. Стр. 58.

Первичен хаос, а не порядок, первичен абсурд, а не разум. Стр. 63.

Подсознание и язык не могут быть управляемы осмысленными намерениями и рациональными стратегиями поведения. Они сами по себе.

Высокие культурные устремления, человечность, по Фрейду, выражают в иносказательной форме самые что ни на есть дочеловеческие сексуальные устремления. Столпы науки и государственной администрации, то есть носители ответственности, знания, порядка и дисциплины, чаще всего вырастают из тех младенцев, которые в своё время открыли эротическое наслаждение в задержке дефекации. Они, скажем прямо,

артачились на горшке, и из этого младенческого безобразия произошли и произросли социальные и культурные добродетели взрослых и почтенных людей - склонность к бережливости и порядку, дисциплине.

Продолжая дело Фрейда и Соссюра, Жан Лекан и другие запустили в общий обиход мысль о том, что язык устроен по образу Фрейдова бессознательного. Иначе говоря, если (или когда) человек старается говорить языком правильным и упорядоченным, ученым, строгим и возвышенным, языком высоких идеалов и «вечных ценностей», то он, по натуре своей, есть закоренелый анальник и вырос из дитяти, которое некогда привыкло и пристрастилось к специфическому мучительному удовольствию от удержания кала в заднем проходе». Стр. 68.

Итак, Символ, - это мост между «реальным и Реальнейшим», между землёй и Небом, между нашим миром и мирами иными, горними, платоновским миром идей.

А Знак - это мост между сознанием и подсознанием. Инстинктом.

Некоторые исследователи парализованы открытием, что в человеке рациональное сопряжено и иррациональным. В отличие от реалистов (линия Платон-Флоренский), которые видели в этом свидетельство идентичности Микрокосма и Макрокосма: «родимый хаос шевелится», они не чувствуют Реальности: глубин, если не «высот» миров иных, горних. Они останавливаются на данной констатации, а все богатство проявлений человеческого сознания выводят из акта «вытеснения из поля сознания в подсознание стремлений ребенка воспрепятствовать акту дефекации». Что вызвано, якобы стремлением удержать при себе фекалии, коим, будто бы, дитя придает значение высшей ценности.

Противостояние Символа и Знака, противостояние учений П.А. Флоренского и З.Фрейда - вот где проходит линия фронта основного конфликта науки о человеке XX века.

Вл. Соловьёв говорил, что «всякое заблуждение - по крайней мере, всякое заблуждение, о котором стоит говорить, - содержит в себе несомненную истину и есть лишь более или менее глубокое искажение этой истины; ею оно держится, ею привлекательно, ею опасно, и через неё же только может оно быть как следует понято, оценено и окончательно опровергнуто». (4)

В чём же несомненная истина З. Фрейда? Человек не является самоценной сущностью, человек - это тоже Символ некоей сущности, которую он на земле олицетворяет. Попросту говоря, «личность», - это символ «индивидуальности», «персона», это символ «своей Монады». Человек, таким образом, похож на эллипс, фигуру, имеющую два фокуса. Один фокус - это преходящая личность данного конкретного воплощения, другой фокус, это вечная индивидуальность, «Монада», «Дух», Атман, как хотите называйте. Индивидуум, или Монада есть истинный человек, Микрокосм, то, что последовательно выявляет на земле для своих целей последовательность «символов себя» или ряд личностей. (Доктрина перевоплощения).

Вот что пишет Флоренский о локализации человеческого сознания. « Даже для очень чувственного зрения граница тела лежит за физическим телом... (Итак, где граница тела? При современных воззрениях нельзя видеть границы тела там, где для грубого зрения кончаются они. Но и за пределами их есть много оболочек, истечений нашего тела, и где они кончаются - нельзя определить. Я думаю, что нигде. Мы везде, но в разной степени связанности с нашим телесным организмом). ... и я склонен думать, что благодаря своим

телам мы охватываем всю вселенную. Эту мысль раскрывает Сперанский, ставя вопрос: каким образом Адам и Ева увидели, что он наги, ведь после грехопадения их познание ослабело? Ответ: они раньше не были наги, так как весь мир был их телом при общей связности их существа и они не видели границ между телом и миром. Само тело их не было обнажено, так как оно было внутренним органом, а потом, после грехопадения оно, так сказать, выпало из мира, и во вселенной остались только тонкие флюидные оболочки.

Эта мысль соответствует современной биологии - характерно построение тела изнутри, а не извне. (Ноуменальная воля, потом строение тела изнутри.) Вещество заполняет душевные и полуматериальные формы. Часть этих органов, еще не залитых веществом, находится вне, и потому они очень гибки и податливы. Один из этих органов - тот свет, который излучается от человека, особенно из головы.

Этот свет - явление бесспорное и определенное, хотя вместе с тем трудно сказать, как его видишь. Хотя видишь его чувственными глазами, но он не координируется со всей остальной чувственной обстановкой. Он может иметь такие же градации, - по силе и оттенкам, - как и чувственный свет. Может быть, целый спектр излучений различной духовной ценности, а геометрические формы его всегда более или менее однородны. Представление о свете от святых может дать венчик, изображаемый на иконах. (Сквозь него видно, он прозрачен. Свет этот может быть у разных людей разной природы. Спектр, начиная с материальных N-лучей. Свет может быть разных видов и изображается графически венчиками: 1. Свет вокруг головы; 2. Вроде сосуда, окружающего голову; 3. Вся фигура в яйцевидной оболочке. Венчики святых - более или менее удачное изображение того же краской.) Сфера, заполненная светом и окружающая голову..., может представляться как световой сосуд - нимб, gloria, на воскресшем Иисусе Христе.

Религиозная иконописная символика всегда реальна, она всегда имеет некоторую реальную причину, в ней нет условности. А если мы эту реальность не всегда видим, то это происходит, во-первых, от плохого исполнения и, во-вторых, по нашей грубости». (2.423-424.)

Вот русское слово «человек» и отсылает нас к «челу» как нормальному носителю сознания представителя рода человеческого. Свет разума на его челе - это свет его Монады, единосущный Фаворскому Свету.

Человек сложен полярно и нижняя часть его организма и анатомически и функционально в точности соответствует части верхней. Сознание людей, не достигших еще индивидуализации, ищет опоры в центрах, расположенных ниже солнечного сплетения, «ниже пояса». Активность деятельности своего сознания такой человек соотносит с ощущениями в физических органах, на которых отражается деятельность «нижних центров сознания». Для «раблезианцев» или «фрейдистов» она отражается в конце пищеварительного тракта. Отсюда «анальность» представлений Рабле или З.Фрейда о месте локализации сознания человека. Рабле, а так же сам З. Фрейд были «фрейдистами», и других людей они судили по себе. Рабле и З. Фрейд были людьми изошренного интеллекта. Но интеллект как способность анализировать не надо путать с духовностью как способностью синтезировать. Синтез - свойство Монады, её голос, голос Единого. Чтобы слышать этот голос, нужно иметь соответствующие уши. «Имеющий уши слышать, услышит». Этот внутренний слух, свойство людей, которых во все времена называли святыми. Святые не обязательно являются интеллектуалами. Обычно их интеллект - среднего уровня, уровня среднего адвоката или экономиста, менеджера среднего звена. Им большего интеллекта для выполнения своей исторической миссии и не надо. Если их

миссия носит характер общественного служения, они должны идти по жизни срединным путём, - не увязая в земном, но и не уходя на Небо. Чтобы не выйти из жизни и не отделиться от людей, они переносят своё сознание в сердце. Сердце человеческое - это центр синтезирующий земное и небесное. В сердце Бог - говорит Священное писание иудеев, христиан, всех народов и времён. Так просто.

Вспомним, как просто сказал об окончательном разделении людей на два типа, как о Своей задаче Христос: «Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся! Крещением должен Я креститься; и как Я томлюсь, пока сие совершится! Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение; ибо отныне пятеро в одном доме станут разделяться, трое против двух, и двое против трёх: отец будет против сына, и сын против отца; мать против дочери и дочь против матери; свекровь против невестки своей и невестка против свекрови своей». (Лк. 12. 49-53).

Выдающийся интеллектуал, гениальный поэт и великий святой, напитавший светом своего сердца Серебряный век русской культуры, Вл. Соловьёв писал: «... мы, имеющие несчастье принадлежать к русской интеллигенции, которая вместо образа и подобия Божия всё ещё продолжает носить подобие обезьяны, - мы должны же наконец увидеть жалкое своё положение, должны постараться восстановить в себе русский народный характер, перестать творить себе кумира из всякой узкой ничтожной идейки, должны стать равнодушнее к ограниченным интересам этой жизни, свободно и разумно уверовать в другую, высшую действительность». (5) С.С. Аверинцев сказал, что на эти слова Вл. Соловьёва русская интеллигенция ответила чем-то вроде молчаливой присяги...

Флоренский писал, что Атом атомов, метафизически первое, Божество есть «нечто в высшей степени индивидуальное, конкретное, а не отвлеченный принцип, вроде толстовского Добра, хотя бы и с большой буквы, и вместе с тем Первоисточник бытия и мысли. Бог Слово есть не отвлеченное начало, а Живое Лицо, Единородный Сын Божий, Которого могли осязать руки наши. Он - лицо, гораздо более определённое, индивидуальное, своеобразное, чем всякий другой человек. Он бесконечно своеобразнее каждого из нас...» Лицо Иисуса Христа - «... метафизически есть первое, а логически оно есть самое сложное, потому что во Христе вся полнота бытия; каждый человек может увидеть в Нём самого себя, различить в Нём такие черты своего характера, которые и в самом себе он не может видеть вследствие их загрязнённости. Мы ничего не можем сделать без Христа: всякое наше действие как-то существует в Нём. В Нём вся полнота бытия, и в то же время Он - метафизически первое. Он - «камень, лежащий во главе угла», на который опирается всё здание. Таким образом, образ Христа не прост. Здесь мы сталкиваемся с возрожденческим пониманием, что первое есть почти пустота, а чем предмет сложнее, тем дальше он отстоит от первого; сложное мыслится непременно сложным. (...)

Понятие точки, прямой единицы и т.п. - все они являются для нас первыми, но думать так - заблуждение, потому что, например, для определения понятия прямой, как указывается, необходимо 27 предварительных понятий, а эти 27 понятий настолько трудны, что о них никак нельзя сказать, что они являются психологически первыми; наоборот, понять их - дело большой внутренней работы». (2.443-444).

На это место статьи просится гигантский отрывок из статьи Вл. Соловьёва «Идея человечества у Августа Конта», который А.Ф. Лосев назвал одним из самых блестящих фрагментов мировой философской литературы. Вот он: «Никто не отрицает действительности элементарных терминов геометрии - точки, линии, поверхностной

фигуры, наконец, объёма, или фигуры стереометрической, т.е. геометрического тела. Всё это действительно существует, со всем этим мы оперируем и в жизни и в науке. Но в каком же смысле мы приписываем действительность этим геометрическим стихиям? При сколько-нибудь отчётливом мышлении ясно, что они существуют не в отдельности своей, а единственно в определённых отношениях друг к другу, что их действительность исчерпывается, или покрывается этой относительностью, что они, собственно, и представляют только закреплённые мыслью простые отношения, отвлеченные от более сложных фактов.

Геометрическая точка определяется как граница, или место пересечения, т.е. совпадения, двух пересекающихся линий, - ясно, что она не существует вне их. Нельзя даже представить себе отдельно существующую геометрическую точку, ибо, будучи по определению лишена всякой протяженности, равняясь нулю пространства, она не имеет в себе ничего такого, что бы обособляло её или отделяло от окружающей среды, с которой она неудержимо и сливалась бы, пропадая в ней бесследно. Итак, точки, или элементы нулевого измерения, существуют не сами по себе, или отдельно взятые, а только в линиях и через линии. Но и линии в свою очередь, т.е. элементы одного измерения, существуют лишь как пределы поверхностей или элементов двух измерений, а поверхности - лишь как пределы (геометрических) тел или трёхмерных построений, которые в свою очередь действительно существуют лишь как ограничения тел физических, определяемых, но не исчерпываемых геометрическими элементами. Наивному представлению может казаться, что линии слагаются из точек, поверхности - из линий, тела из поверхностей. Но это сейчас же оказывается невысказанным. Если бы даже геометрические точки и могли существовать самостоятельно, то для того, чтобы сложиться в какую-нибудь определённую линию, они, очевидно, должны были располагаться не как попало, а в этом определённом направлении, но это уже есть линия, которая, следовательно, не складывается из точек, а предполагается ими. Точно так же для того, чтобы линии (допуская - *per impossible* - их отдельное существование) могли сложиться в поверхность, необходимо, чтобы они располагались по определённому двумерному начертанию, т.е. поверхность оказывается уже данною, и т.д. Дело несколько не изменяется, если мы в каждом случае вместо сложения многих поставим, как это принято, движение одного геометрического элемента, т.е. представим линию как движение точки, поверхность как движение линии - и т.д. Ясно в самом деле, что движение точки может произвести определённую линию лишь под условием, что это движение совершается в определённом направлении, т.е. по этой самой линии, которая, таким образом, уже дана мысленно раньше движения точки. А различие линий, или направлений для движущейся точки, уже предполагает вообще по крайней мере пространство двумерное, так как в одном измерении мыслима только одна линия. Точно так же для того, чтобы движение линии образовало определённую поверхность, необходимо чтобы оно совершалось именно в пределах этой самой поверхности, уже заранее таким образом предположенной, и т.д. Одним словом, порядок действительного отношения здесь аналитический - от высшего к низшему, от более конкретного к более абстрактному, получить же высшие геометрические определения синтетически из низших совершенно невысказанно, так как эти последние необходимо предполагают те высшие как свою определяющую среду. Точки действительно существуют только в линиях, линии - только на поверхностях, поверхности - только на телах геометрических, как эти последние - только на телах физических. Мнимо сложное, т.е. в самом деле относительно целое, первое, самостоятельное, реальнее своих мнимо простых, а в действительности лишь частичных, дробных элементов - продуктов своего разложения.

Целое первее своих частей и предполагается ими. Эта великая истина, очевидная в геометрии, сохраняет всю свою силу и в социологии. Соответствие здесь полное. Социологическая точка - единичное лицо, линия - семейство, площадь - народ, трёхмерная фигура, или геометрическое тело, - раса, но вполне действительное, физическое тело - только человечество. Нельзя отрицать действительность составных частей, но лишь в связи их с целым, - отдельно взятые они лишь абстракции. По связи в целом один человек - эта социологическая точка - может иметь гораздо больше значения, чем многие семьи, народы и даже расы, как подобное бывает и с точкой геометрической: центр шара - единичная точка - гораздо важнее не только всех других точек в этом теле, но и всех линий; так и личность, напр., Сократа при великом своём всемирном значении, неизмеримо превосходящем не только линию его семейства, но и всю площадь афинского гражданства, не могла бы иметь никакого действительного существования без этого семейства и этого гражданства, которое в свою очередь не могло бы существовать само по себе вне жизни человечества.

Тело не слагается из точек, линий, фигур, а уже предполагается ими; человечество не слагается из лиц, семей народов, а предполагается ими. Мы видим, конечно, что в общем ходе всемирной истории эти единичные и собирательные элементы человеческой жизни всё более и более сближаются между собой и как бы слагаются вместе, но этим они не создают человечества в самом существе его, так как оно уже предполагается самым этим объединительным движением как его необходимая основа, побуждение и руководство. Если всемирная история есть последовательное и систематическое собирание частных элементов, слагающихся вместе в крайнюю реальность целого человечества, то для этого само человечество должно было предварительно разложиться на ограниченные группы, не доходя, впрочем, до крайнего предела...

Части всегда предполагают своё целое и подчинены ему. И если нам это представляется наоборот, то лишь по исторически обусловленной недостаточности наших понятий и формул, неспособных ещё представлять истинную реальность... (...)

Ясно, что речь идёт не о понятии, а о существе совершенно действительном и если не совсем личном в смысле эмпирической человеческой особы, то ещё менее безличном. Чтобы сказать одним словом, это существо сверхличное, а лучше сказать двумя словами: Великое Существо не есть олицетворённый принцип, а Принципиальное Лицо, или Лицо-Принцип, не олицетворённая идея, а Лицо-Идея... (...)

Это Великое, царственное и женственное Существо, (...) кто же оно, как не само истинное, чистое и полное человечество, высшая и всеобъемлющая и живая душа природы и вселенной, вечно соединённая и во временном процессе соединяющаяся с Божеством и соединяющая с Ним всё, что есть. (...)

Когда полномочные представители христианства сосредоточат своё внимание на том, что наша религия есть прежде всего и по преимущественно религия богочеловеческая и что человечество есть не придаток какой-нибудь, а существенная, образующая половина Богочеловечества, тогда они решатся исключить из своего исторического пантеона кое-что бесчеловечное, что туда попало за столько веков, и внести вместо того немного побольше человеческого». (4.568-580).

3.

Мы знаем, что основные произведения Флоренского (и Вл. Соловьёва) при советской власти были запрещены. Сегодня нет такой инстанции, которая запрещала бы гражданам РФ знакомиться с их трудами. Что-то внутреннее, лежащее в сознании многих людей мешает им воспринимать эти труды адекватно. Это «разруха», произведенная в умах современного человека позитивизмом. Разруха, сломавшая органичный, народный, платонический взгляд на природу вещей. Сегодня понимать Флоренского «запрещает» неотрейдисм, захвативший умы современных учёных.

Реалисты этому не удивляются. Было бы удивительно, если бы «советские учёные», непритворные позитивисты, с устранением партийно-гебешной цензуры (а чем поповско-гебешная цензура лучше?), обратились бы не в неофрейдисты, а в неоплатоники...

А.Ф. Лосев, считавший Флоренского глубочайшим интерпретатором Платона, писал: «Новое, что вносит Флоренский в понимание платонизма, это - учение о *лике* и *магическом имени*. Платоновская идея - *выразительна*, она имеет определённый *живой лик*... Понимание Флоренского воистину можно назвать *мифологическим* и в полном смысле *магическим* пониманием, потому что ни Гегель, ни Наторп, давшие до Флоренского наиболее яркие и ценные концепции платонизма, не дошли до Идеи как самостоятельного мифа, как лика личности, а только дали - самое большее - логическую структуру мифа. Это, конечно, тоже необходимо. Но всё же диалектика мифа не есть ещё мифология, и смысл мифа не есть сам миф. Узрение смысла мифа не есть ещё творческое узрение самого мифа. *Символически-магическая природа мифа* - вот то подлинно новое, почти небывалое, что Флоренский вносит в мировую сокровищницу различных историко-философских учений, старающихся проникнуть в тайны платонизма». (2.517)

«Его неповторимый метод в своей основе предполагает чисто интуитивное прозрение в сущность вещей - буквально видение и опрашивание вещей, что в полной мере проявилось в замечательном толковании идей у Платона»(2.518), - пишет один современный исследователь о Флоренском. Но почему же «неповторимый»? Флоренский потому так хорошо понимал Платона, что, так же как и Платон, он обладал вполне развитым *шестым чувством* (Гумилёв), которое давало ему возможность конкретно созерцать незримое, быть свидетелем иных миров. Другое крайне важно. О конкретности бытия платоновских идей писал и Хайдеггер, что «сущность идеи заключается в свечении и зримости». (2.518) Но кто как Флоренский видел в идеях Платона живые, конкретные индивидуумы, а не абстрактные понятия?

Флоренский в своей недописанной книге об Арх. Бухарева писал о главном вопросе, привлекающем для своего разрешения все течения русской мысли вот что: «Всё то, о чем волновались и Соловьёв с Достоевским, и Фёдоров, и, отчасти, Толстой, и Мережковский, и Розанов, и Булгаков, и Бердяев, и Эрн и т.д. и т.д., каждый на свой лад и каждый по своему сравнительно малому поводу, тогда как в Бухарева уже все подобные вопросы были заострены и сведены в первовопрос, к проблеме Христологической или, точнее, к проблеме Христокосмической, или ещё к проблеме Христо-Софийной». (11)

София, или Вселенская Церковь Незримая, или Богочеловечество есть «Тело Христово». Потому Флоренский назвал истинную реальность Христо-Софией. Здесь начало всякой индивидуальности, Великая Индивидуальность. Именно на пути, ведущем к разрешению «проблемы Христо-Софийной» каждый из нас и разрешит проблему своей

индивидуальности. «Различными путями мысль приходит всё к одному и тому же признанию: идеального сродства мира и человека, их взаимно-обусловленности, их пронизанности друг другом, их существенной связанности между собой. *Гносеологически* - всё, познаваемое нами, есть нами усвояемое и в себя нами преобразуемое. *Биологически* - всё, окружающее нас, есть наше тело, продолжение нашего тела, совокупность дополнительных наших органов. *Экономически* - всё возделываемое, производимое и потребляемое нами, есть наше хозяйство. *Психологически* - всё, нами ощущаемое, есть символическое воплощение нашей внутренней жизни, зеркало нашего духа. *Метафизически* - оно воистину есть то же, что мы, ибо, будучи иным, оно не могло бы быть с нами связано. Наконец, *религиозно* - Мир, образ Софии, есть Мать, Невеста и Жена образа Христова - Человека, ему подобная, ждущая от него заботы, ласки и оплодотворения духом. Человеку - мужу надлежит любить Мир-жену, быть с нею в единении, возделывать её и ходить за нею, управлять ею, ведя её к просветлению и одухотворению и направляя её стихийную мощь и хаотические порывы в сторону творчества, чтобы явился в твари её изначальный космос. (...)

Человек есть *сумма* Мира, сокращенный конспект его; Мир есть раскрытие Человека, проекция его». (1. 440-442).

Ссылки

1. «Всё есть Я в смысле Фихте. Через акт познания оно становится нашим подобием». П.А. Флоренский. Сочинения. ФН. т.128. М., 99, стр. 591.
2. П.А. Флоренский. Сочинения. ФН. т.129. М., 99, стр. 484.
3. П.А. Флоренский. Имена. Харьков. Фолио. 2000, стр. 348.
4. Вл. Соловьёв. Сочинения. М., 88, т. 2, стр. 628.
5. Вл. Соловьёв. Смысл любви. М., 91, стр. 40.
6. Е.И. Рерих. У порога Нового Мира. М., 2000, стр. 240-241.
7. П.А. Флоренский. Сочинения. Ф.Н. т. 127. М., 98, стр. 541.
8. «Новая эпоха». 99, 1, стр. 56.
9. П.А. Флоренский. Сочинения. ФН. т. 133, М., 2004, стр. 302.
10. Сегодня нам говорят ещё о теории «концептов»: «Концепты - это ментальные сущности, которые имеют имя и отражают культурно- национальные представления человека. Концепты, выступая как компоненты нашего сознания и наших знаний о мире, являются предметом изучения философии, психологии, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и других гуманитарных наук». В.А. Маслова. «Концептосфера Марины Цветаевой». Флинта. М., 2004. Но понятие «концепт», по моему, избыточно,- оно покрывается понятием «символ».
11. Архимандрит Феодор (А.М.Бухарев): pro et contra. СПб, 97, стр. 587.
12. «Но оно же, это свидетельство, это заверение о ноуменальности Я - и в этом его надёжность - должно быть вещью среди вещей». (9. 110).